

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРАГМАТИКА ИРОНИЧЕСКИХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ УБЕЖДЕНИЯ
(на примере адвокатских речей на немецком языке)

Статья посвящена изучению языковой специфики и прагматических функций иронических высказываний в адвокатских речах. В статье представлены различные подходы к пониманию иронии в лингвистике, обосновываются причины использования иронии в современной официально-деловой коммуникации. В результате анализа иронично-окрашенных фрагментов немецкоязычных адвокатских речей выведен арсенал возможных языковых способов создания иронии, описана прагматика иронии в речи защитника. Высказывается допущение, что языковая специфика и прагматические функции иронических высказываний, исследованных в адвокатских речах, будут валидны в различных коммуникативных ситуациях, в которых имеет место убеждение.

Адвокатская речь, произнесенная в защиту обвиняемого в присутствии обвинителей, судей, присяжных, представляет собой пример публичной убеждающей речи. Для реализации своей основной стратегии и решения профессиональной задачи защитник должен специфическим образом моделировать свои высказывания, используя разнообразные приемы. Одним из средств убеждения в современной официальной коммуникации является *ирония*.

В словаре лингвистических терминов дается такое определение иронии: это «употребление слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки. Насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [1, с. 185]. Ирония как скрытая насмешка может рассматриваться в качестве стилистической фигуры, риторического приема и прагматического эффекта, создаваемого в контексте употребления языковых единиц. В зависимости от ситуации общения ирония как позиция автора (его отношение) может пронизывать весь текст, при этом иронический смысл вытекает не из суммы смыслов высказывания и текста, а читается в подтексте.

В широком смысле ирония может трактоваться как способ мышления, при котором имеет место игра различными культурными и языковыми кодами, позволяющая вскрыть парадоксальный характер окружающего мира и выразить отношение к нему не напрямую, а опосредованно [2, с. 6]. Можно утверждать, что ирония представляет собой сложный лингво-когнитивный феномен, которому присущи признаки двойственности, парадокса, субъективизма и игры.

По мнению лингвистов, в последние десятилетия ирония расширила границы привычных коммуникативных ситуаций и все чаще используется в официально-деловом общении. Н. В. Веселова, исследовавшая проявление иронии в политической речи, утверждает, что в современном обществе наблюдается ориентация «культурно-исторического сознания на субъективность»: субъект речи оставляет за собой право не только отображать действительность, но и играть с ней, обнажать присущую ей диалектичность,

вскрывать ее противоречивость [2, с. 6]. Данные предпосылки ведут к деофициализации, авторизации и иронизации официальной коммуникации в современном обществе.

В свете сказанного становится понятным использование иронии и в дискурсе делового бизнес-общения. Исследователи объясняют это двойственным характером ее прагматического воздействия: с одной стороны, говорящий посредством иронии выражает негативное отношение к адресату или предмету речи, дискредитирует оппонента, оставаясь при этом в рамках этикета, с другой, создает особую психологическую атмосферу, располагающую к взаимодействию и сотрудничеству [3, с. 7].

Для эффективной реализации иронии в любом дискурсе необходимо удачное сочетание таких дискурсивных элементов, как особенности коммуникативной ситуации и сознание коммуникантов. Прежде всего, иронизация будет иметь место при отсутствии идеологического единomyслия участников дискурса. Яркий пример тому – судебный дискурс, предполагающий четко очерченную полярность сторон общения. Выступления в суде риторичны и содержат элемент манипуляции сознанием реципиента. Ирония является неотъемлемой частью опровержения оппонирующего мнения. Преломление основного содержания сквозь призму иронии в процессе убеждения является мощным воздействующим фактором: смысл, донесенный в иронической форме, побуждает слушающего к переосмыслению событий, к отказу от конформизма. Иронизирующий субъект демонстрирует дистанцированность от отображаемой действительности, и это отстранение побуждает объект убеждения приобщаться к происходящему как активный, свободно выбирающий субъект [2, с. 8]. Такая психологическая подоплека иронии является предпосылкой ее активного внедрения в процесс убеждения в адвокатских речах.

Изучение механизма возникновения иронии и ее прагматических функций в процессе убеждения предполагает описание языковой стороны иронических высказываний. Языковая и прагматическая специфика иронии зависит от особенностей конкретной дискурсивной сферы. В работах, посвященных изучению иронии в политической речи, называются следующие языковые способы ее создания: игра с фразеологизмами, метафора и метонимия, контекстуальная полисемия, функционально-стилистический сдвиг, аллюзия, цитирование, стилистический контраст, лексико-семантический контраст, оксюморон, антонимы, окказионализмы [2, с. 10]. Исследователи иронии в дискурсе бизнес-общения приводят такие средства создания иронического эффекта: метафора, сравнение, гипербла, аллюзия, аллитерация, игра слов, анафора, эпифора, синтаксический и лексический параллелизм, риторические вопросы, варьирование длины высказывания [3, с. 7]. Как видно из приведенных перечней, набор средств для создания иронии в публичном официальном общении достаточно велик и разнообразен. Будет ли он таким же в немецкоязычных адвокатских речах с присущим им канцелярским стилем? Современные исследования судебного дискурса Германии свидетельствуют о том, что ему свойственны все признаки риторичности [4, S. 322]: адвокатская

речь является результатом стратегического планирования, в ней активно используется риторико-топичная аргументация, речь зачитывается устно, подразумевает эмоциональность оратора и употребление им риторико-стилистических средств (в том числе и иронии).

В ходе изучения текстов немецкоязычных защитительных речей по политическим и экономическим преступлениям начала XXI века было выделено 35 контекстов с ироническим смыслом, который определялся эмпирическим путем. Далее следует обзор языковых средств и способов создания иронического смысла в адвокатских речах с примерами и их анализом.

Одним из распространенных способов создания иронического смысла в адвокатской речи является **цитирование** речи оппонента, с использованием **конъюнктива I** – формы сослагательного наклонения для передачи чужой речи, например:

Die Delegation spuckte den Opfern des Militärregimes regelrecht ins Gesicht. Es gebe „kein diktatorisches Regime“ und „keine systematische Anwendung von Folter“, befand sie ‘Делегация буквально плюнула жертвам военного режима в лицо. Она находит, что «не было диктаторского режима» и «систематического применения пыток»’.

Сопровождаемая определенной интонацией, форма конъюнктива I *es gebe*, соответствующая русскому ‘якобы’, и последующая цитата имеют в комплексе иронический подтекст и побуждают слушателей к несогласию с приводимым утверждением и возмущению по поводу его содержания.

Конъюнктив II также может участвовать в создании иронии, прежде всего, в процессе опровержения оппонирующего мнения, например:

Meine Mandantin wäre dann allein deswegen strafrechtlich verantwortlich, weil sie CFO war, als die Swissair unterging ‘Моя подзащитная только потому несла бы уголовную ответственность, что являлась финансовым директором, когда Swissair обанкротилась’.

В этом контексте адвокат указывает на несостоятельность выдвигаемого обвинения, используя прием «ироничное предложение альтернативы», который реализуется конъюнктивом II (*wäre allein deswegen strafrechtlich verantwortlich* ‘уже потому несла бы уголовную ответственность’). Суть его в следующем: если ход мысли оппонента верен, то только потому нужно привлечь обвиняемую к ответственности, что она являлась финансовым директором.

Важным средством иронизации над действиями обвинителей является **риторический вопрос**, например:

Aber warum hat die BAW eigentlich keine Anklage wegen Hochverrat gewählt? Ging es der RZ etwa nicht darum, die gewaltsame Änderung der verfassungsmäßigen Ordnung zu erreichen? ‘Но почему же прокуратура не избрала обвинение по статье «Государственная измена»? Разве РЦ не стремилась достичь силовыми методами изменения установленного конституцией порядка?»’.

В вопросе скрыто утверждение, содержащее иронический упрек в адрес прокуратуры, недоумение по поводу хода обвинения. Воздействующий эффект иронического риторического вопроса усиливается благодаря использованию модальных частиц *eigentlich* ‘собственно говоря’ и *etwa* ‘разве’.

Ряд проанализированных контекстов содержит такое средство иронизации, как **стилевой сдвиг**, при котором ирония создается за счет использования лексики или формальных признаков другого стиля или типа текста, например:

*Das Wort „Asylant“ wird **salonfähig** und in Verbindung mit „Asylantenströmen“, die das gesamte Land und besonders West-Berlin **überfluten**, zum einzigartigen **Bedrohungsszenario** ausgebaut* ‘Использовать слово «беженец» стало престижно в высшем обществе. В сочетании с формулировкой «поток беженцев», которые наводняют всю страну и в особенности западный Берлин, это понятие мутировало в своеобразный угрожающий сценарий’.

Слово возвышенного стиля *salonfähig* ‘вхожий в салоны’ ироничным образом указывает на то, что говорить о проблеме беженцев стало модным в высшем обществе, а **гиперболы** *überfluten* ‘наводнить’ и *Bedrohungsszenario* ‘угрожающий сценарий’ подчеркивают надуманность и преувеличенность проблемы.

Еще один пример стилового сдвига:

*Politisches Strafrecht wird geprägt von einem **Sammelsurium** an unbestimmten Rechtsbegriffen und verschwommenen Wendungen: „unterstützen“, „sich einsetzen“, „anleiten“, „befürworten“, „die Bereitschaft anderer fördern“, „Hintermänner“, „öffentlicher Friede“, „nach den Umständen geeignet“ usw* ‘Политическое уголовное право характеризует пестрая смесь неопределенных правовых понятий и размытых выражений: «поддерживать», «включаться», «инициировать», «ходатайствовать», «поддерживать готовность других», «вторые лица», «публичный мир», «подходящий при соответствующих обстоятельствах» и др.’.

Для указания на размытость и неточность терминологии политического уголовного права, на которой базируется обвинение, адвокат использует лексическую единицу, первоначально используемую в кулинарии, – *Sammelsurium* ‘всякая всячина, мешанина’, чтобы через свою иронию внушить слушающим скептическое отношение к обвинению.

Далее следует пример использования формальных признаков другого типа текста:

*Nach dem Motto, **man nehme ein bisschen linke Gesinnung, etwas Kontaktschuld, dazu eine Prise Kollektivschuld und kommt „widerspruchsfrei“ zum Schuldspruch*** ‘Под девизом: возьмите немного левых убеждений, немного виновности в контактах, сюда же щепотку коллективной вины и вы получите «без противоречий» обвинительный приговор’.

В приведенном высказывании содержится ироничный намек адвоката на то, что обвинение было «состряпано». Иронический смысл достигается

благодаря метафорическому переносу. Информация подается в форме кулинарного рецепта, что выражается конъюнктивом *I man nehme* ‘нужно взять’, лексемами *etwas* ‘немного’, *eine Prise* ‘щепотка’.

В следующем контексте ирония создается благодаря использованию лексемы из такого типа текста, как сказка:

Es spielt keine Rolle, ob diese Zeugen die Unwahrheit sagen, im Gegenteil: Im Rahmen des Zauberwortes der „freien Beweiswürdigung“ werden Widersprüche und Unwahrheiten als „kleinere Irrtümer“ benannt; sie sind „nachvollziehbar“, ja machen die Aussage geradezu glaubhaft ‘Не играет роли, говорят ли эти свидетели неправду, наоборот: в рамках волшебного слова «свободная оценка доказательств» противоречия и ложь называются «незначительными заблуждениями»; они «объяснимы» и делают показания достоверными’.

Намек на то, что свидетельские показания и их интерпретация сторонниками обвинения похожи на детскую сказку, становится понятным благодаря лексеме *das Zauberwort* ‘волшебное слово’ и насмешливому цитированию высказываний оппонента.

Литота, или преуменьшение также может служить для реализации иронии в адвокатской речи, например:

Wie die Staatsanwaltschaft auf die gegenteilige Behauptung kommt, ist schlicht unerklärlich. Wer sich auch nur fünf Sekunden Mühe nimmt, die Schlussabrechnung zu studieren, kann ohne weiteres feststellen, dass keine Sozialversicherungsbeiträge abgezogen worden sind ‘Почему прокуратура утверждает обратное, абсолютно не объяснимо. Если потратить хотя бы пять секунд времени, чтобы изучить окончательный расчет, без труда можно установить, что взносы на социальное страхование не взимались’.

В данном контексте высмеиваются оплошность и неведение оппонента. Весомая роль в создании иронического смысла отведена литоте *nur fünf Sekunden* ‘всего лишь пять секунд’: даже беглого изучения актов было бы достаточно, чтобы понять суть.

Иронический смысл может содержаться в высказываниях, содержащих **эвфемизм**, например:

Den Sicherheitskräften geht es mit ihren Maßnahmen (gemeint ist Folter, Anm. der Verteidigung) nicht darum, politische Straftäter zu maßregeln, sondern sie an ihrem staatsgefährdenden Tun zu hindern ‘Целью мероприятий (имеются в виду пытки – прим. защиты) служб безопасности является не привлечение политических преступников к ответственности, а предотвращение их антигосударственных действий’.

Поводом для иронии в данном примере является нарочитая замена неудобного понятия *Folter* ‘пытки’ на нейтральное *Maßnahmen* ‘мероприятия’, произведенная оппонентами. Ироничный подтекст должен служить их дискредитации.

В адвокатских речах ироничный оттенок могут иметь контексты, в которых используется **модальная лексика** со значением уверенности, например:

Das Verfahren findet selbstverständlich in einem Hochsicherheitssaal statt, mit Panzerglas gegen terroristische Angriffe von außen, einem gesonderten

Eingang für Zuschauer, deren Ausweise kopiert werden und die weder eine Schachtel Streichhölzer noch einen Kugelschreiber mit hinein nehmen dürfen ‘Само собой разумеется, процесс проходит в зале с усиленной безопасностью, с бронированным стеклом, защищающим от террористических атак снаружи, обособленным входом для зрителей, паспорта которых копируются и кото-рым не разрешено проносить ни коробок спичек, ни шариковую ручку’.

В приведенном примере насмешку выражает модальное слово *selbstverständlich* ‘само собой разумеется’, которое в данном контексте не обозначает согласие и уверенность, а, наоборот, ставит под сомнение разумность предпринятых оппонентами действий.

Приведем еще один пример использования лексики с семантикой уверенности, имеющей в контексте употребления коннотацию насмешки:

Und dokumentiert ist dieses Flehen des Kronzeugen natürlich nur in den Gesprächen beim Verfassungsschutz, deren Inhalt gerade nicht eingeführt und eigentlich nie ein Wort davon bekannt werden sollte ‘А задокументирована эта мольба главного свидетеля, конечно же, только в разговорах под конституционной защитой, однако ни одно слово из них не должно разглашаться’.

Лексемой *natürlich* ‘конечно’, основными значениями которой являются «согласие» и «высокая степень уверенности», в данном контексте передаются насмешка и упрек по поводу действий обвинителей. Иронический эффект усиливается благодаря особому порядку слов, а именно постановке номинальной части сказуемого в начало предложения.

Ироническое отношение к свидетельским показаниям может передаваться **положительно-оценочной лексикой**, например:

Die feinen Differenzierungen des Kronzeugen: „Ich bin mir sicher“, „Ich bin der Überzeugung“, „mit an Sicherheit grenzender Wahrscheinlichkeit“, „vermutlich“, „ich glaube“. Eindeutige Priorität hatten allerdings die Worte „Es ist mir nicht mehr erinnerlich“. Ein weites Repertoire, über das der Kronzeuge verfügt ‘Тонкая дифференциация в показаниях основного свидетеля: «я уверен», «я придерживаюсь убеждения», «вероятность, граничащая с уверенностью», «предположительно», «я полагаю». Однозначный приоритет, однако, имеют слова: «Не могу вспомнить». Главный свидетель располагает широким репертуаром.

В приведенном примере положительно-оценочная лексика *die feinen Differenzierungen* ‘детальная дифференциация’ и *ein weites Repertoire* ‘широкий репертуар’ имеет смысл, обратный буквальному, в частности свидетельствует о недостоверности показаний.

Иронизация над недостоверностью свидетельских показаний может осуществляться через прием **контраста**, например:

Ja, er fleht im Jahre 2000 förmlich darum, diesem schlechten Gedächtnis kein Vertrauen zu schenken, doch dazu ist es zu spät. Inzwischen sitzen fünf Personen bereits seit rund sieben Monaten in Untersuchungshaft ‘Он буквально умоляет в 2000-м году не доверять его плохой памяти, но к тому времени будет уже слишком поздно. Пять человек уже 7 месяцев находятся в предварительном заключении’.

Как видно из примера, ирония содержится в противопоставлении несерьезного поведения свидетеля (*flehen* ‘умолять’, *schlechtes Gedächtnis* ‘плохая память’) и серьезности ситуации, причиной которой стали его показания: *fünf Personen sitzen sieben Monate in Untersuchungshaft* ‘5 человек находятся 7 месяцев в предварительном заключении’.

Ирония по поводу действий обвинителей и свидетелей обвинения создается также **метафорами** типа: *mit einem rechtsstaatlichen Mantel umgeben* ‘облечь в правовую мантию’; *in den Deckmantel eines ordentlichen Strafprozesses hüllen* ‘прикрыть мантией порядочного правового процесса’; *die besten Pferde aus dem Stall der Staatsanwaltschaft* ‘лучшие скакуны из конюшни прокуратуры’ и др.

Приведенные примеры и их анализ позволяют заключить, что ирония активно задействуется при убеждении слушающих в своей правоте и неправоте оппонента, являясь мощным фактором формирования определенного мнения у объекта убеждения. Ирония в адвокатской речи может передаваться интонационно, а также создается благодаря специфическому использованию таких языковых средств, как цитирование чужой речи; конъюнктив I; конъюнктив II; риторический вопрос; стилевой сдвиг / использование формальных признаков другого типа текста; эвфемизм; литота; гиперболa; метафора; использование модальной и положительно-оценочной лексики в переносном значении; контраст.

Выявленные языковые средства создания иронии включаются в комплекс средств воздействия на адресата в адвокатской речи, поддерживая и дополняя потенциал таких категорий, как модальность и оценочность. Основным предназначением средств создания иронии в убеждающей речи является формирование второго смыслового плана в процессе движения к коммуникативной цели. Кроме того, они вносят разнообразие в ход структурно-смыслового развития судебного дискурса, повышают его динамизм и активизируют восприятие информации адресатом.

Необходимо признать, что в поляризированной ситуации общения, содержащей не только доказательство своей правоты, но и опровержение тезисов оппонента, неотъемлемой тактикой воздействия будет дискредитация противников, а именно убеждение слушающих в неполновесности, несостоятельности, невалидности его утверждений. Дискредитация противника, как правило, сопровождается иронией. Уже сама интонация адвоката при разборе обвинительного акта в большей или меньшей степени иронична и тем самым настраивает слушающих на соответствующее отношение к утверждениям обвинителя.

Тем не менее, представляется возможным утверждать, что выявленные в ходе исследования средства создания иронического смысла и описание их прагматического воздействия в защитительной речи создадут определенную базу для обоснования использования иронических высказываний в процессе убеждения в других дискурсивных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 5-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – С. 185.
2. *Веселова, Н. В.* Ирония в политическом дискурсе : автореф. ... дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Веселова; Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2003. – 16 с.
3. *Храмченко, Д. С.* Ирония в английском деловом дискурсе : функционально-синергетический подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. С. Храмченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М., 2010. – 25 с.
4. *Kalivoda, G.* Juristische Rhetorik. Systematische, historische und interdisziplinäre Aspekte der forensischen Beredsamkeit / G. Kalivoda / In : Sprache des Rechts. Studien der interdisziplinären Arbeitsgruppe der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. – Berlin : Walter de Gruyter-Verl. – 2005. – 598 S.

The article is devoted to the analysis of language features and pragmatics of ironic statements in the process of persuasion. The article touches upon the reasons, why irony is often used in contemporary official discourse, and explains how it can help in persuading. On the example of German defense counsel speeches the list of language means of irony was made and its role in convicting people was described.

Поступила в редакцию 14.10.2019